

История публицистики. Риторика

УДК 323.2:070

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-134-152

Публицистические приемы в пропагандистской практике декабристов: случай М.П. Бестужева-Рюмина

Оксана И. Киянская

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Институт научной информации по общественным наукам

РАН (ИНИОН РАН),

Москва, Россия, kianoks@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена публицистическим приемам в пропагандистской практике декабристов: описываются способы вербовки в тайную организацию начиная от сбора сведений о кандидатах в заговорщики и заканчивая предложением совершить цареубийство. Анализируется роль поэтической публицистики, и прежде всего стихов А.С. Пушкина, в привлечении в заговор новых участников. В центре статьи – фигура декабриста М.П. Бестужева-Рюмина, наиболее результативного агитатора, которого А.Х. Бенкендорф назвал «демоном пропаганды».

Ключевые слова: декабристы, публицистические приемы, пропаганда, М.П. Бестужев-Рюмин, А.С. Пушкин

Для цитирования: Киянская О.И. Публицистические приемы в пропагандистской практике декабристов: случай М.П. Бестужева-Рюмина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 10. С. 134–152. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-134-152

Journalistic techniques
in the Decembrists' propaganda practice.
The case of M.P. Bestuzhev-Ryumin

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

Abstract. This article is about journalistic techniques in the Decembrists' propaganda practice: it describes the ways of recruitment into the secret organization, starting with the collection of information about the candidates for the conspirators and ending with the proposal to commit regicide. The article analyses the role of poetic journalism, primarily Pushkin's poems, in attracting new members to the conspiracy. The article centers on the figure of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Ryumin, the most effective agitator, whom A.Kh. Benckendorff called "the demon of propaganda".

Keywords: Decembrists, journalistic techniques, propaganda, M.P. Bestuzhev-Ryumin, A.S. Pushkin

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2025), "Journalistic techniques in the Decembrists' propaganda practice. The case of M.P. Bestuzhev-Ryumin", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 134–152, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-134-152

При всей кажущейся изученности декабристских тайных обществ публицистические методы их пропаганды исследованы явно недостаточно. Изучать феномен конспиративной агитации лучше всего на примере тайных обществ второй половины 1820-х гг., поскольку эти общества имели ярко выраженную антиправительственную окраску. Соответственно, вербовать в них новых участников было сложно, гораздо сложнее, чем в середине предыдущего десятилетия, когда целью такого рода обществ была объявлена помощь правительству.

Центральная фигура поздней декабристской агитации – подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Бестужев-Рюмин, младший из пяти повешенных, погибший в 25 лет. Не сделавший военной карьеры, он тем не менее достиг высот в заговоре: вступив в Южное общество в 1823 г., через год был уже сопредседателем одной из его управ, Васильковской. В юности Бестужев-Рюмин хотел стать дипломатом, но предпочел в итоге военную службу. Однако

он явно обладал дипломатическими способностями: с его именем связаны переговоры Южного общества о совместных действиях с Польским патриотическим обществом и с Обществом соединенных славян, влившимся в итоге в состав Васильковской управы. Один из следователей по делу о «злоумышленных тайных обществах», Александр Бенкендорф, назвал Бестужева-Рюмина «демоном пропаганды»¹.

В данном случае речь пойдет о личности агитатора, а также о методах, с помощью которых «демон пропаганды» привлекал в заговор многочисленных сторонников.

* * *

Отзывы современников о Бестужева-Рюмине неоднозначны. Современники отмечали его ум и образованность. По их мнению, Бестужев был «одарен счастливою памятью, много читал, любил музыку и хоть не обладал обширным умом... но даже и в этом отношении мог обратить на себя внимание»².

Превалируют в воспоминаниях другие отзывы: казненный заговорщик был «странным существом», «взбалмошным и совершенно бестолковым мальчиком», «говорил самые невыносимые пошлости» и «делал самые непозволительные промахи», «играл в обществах роль шута», «вел себя так ветрено, что над ним смеялись», «в нем беспрестанно появлялось что-то похожее на недоумка; сердце у него было превосходное, но голова не совсем в порядке».

В глазах некоторых он был и вовсе «сумасшедшим»³.

Странной современникам казалась и манера разговора Бестужева. «Говорил он хорошо, но всегда скоро и восторженно», однако, услышав возражения, мог, например, замолчать, «показывая свое неудовольствие качанием головы», после чего «почти как

¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания: 1802–1837. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТриТэ»; Российский архив, 2012. С. 338.

² Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: ГПИб, 2008. Т. 1. С. 398; Михайловский-Данилевский А.И. Вступление на престол императора Николая I // Русская старина. 1890. № 11. С. 497; Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: «Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1988. С. 340.

³ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. С. 55; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 92; Пыхачев М.И., Нащокин Д.А. Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 148.

в забвении оставался несколько минут»⁴. Но история короткой жизни Михаила Бестужева-Рюмина свидетельствует: критически настроенные современники заблуждались.

С 1823 г. Бестужев-Рюмин вел двойную жизнь – и делал это легко и уверенно. По воспоминаниям генерала А.И. Михайловского-Данилевского, знавшего заговорщика лично, Бестужев «представлял из себя влюбленного во всех женщин и до того умел им нравиться, что со многими из них тоже вел переписку».

Маска недалекого молодого человека, «странного существа» и «недоумка» защищала Бестужева от ненужного любопытства окружающих: тем, кто не знал о его конспиративной жизни, «в голову не приходило, чтобы человек столь рассеянный и ветреный мог быть заговорщиком»⁵.

Если же он открывался людям, желая сделать их союзниками, то использовал для этого все доступные средства: врожденный артистизм, риторические навыки, энтузиастический восторг. И те, кто признавал его правоту и превосходство, нередко сами готовы были последовать за ним в самых фантастических его предприятиях. Те же, кто отторгал его образ мыслей и образ действий, Бестужева в дальнейшем не интересовали.

* * *

Сослуживцы Бестужева-Рюмина по Полтавскому полку видели его нечасто. Он не скрывал, что «никогда почти не бывает в полку»⁶, а разъезжает по России, вербуя сторонников и играя роль связного между основными участниками Южного общества.

«Он был главным связующим звеном между заговорщиками», – утверждал начальник армейского штаба, генерал Карл Толь⁷. Весьма активно он действовал во время крупных армейских сборов – в 1824 г. под Белой Церковью, в августе–сентябре 1825 г. под местечком Лещин недалеко от Житомира.

В полной мере проявить себя «демон пропаганды» сумел всего за год: до конца 1824 г. Пестель запрещал принимать в тайное общество никого, «кроме штаб-офицеров», но «в исходе... 1824-го года» переменил мнение и разрешил «принимать всех благо-

---

⁴ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 340; *Пыхачев М.И., Нащокин Д.А.* Указ. соч. С. 142.

⁵ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 497–498.

⁶ *Пыхачев М.И., Нащокин Д.А.* Указ. соч. С. 147.

⁷ Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина // Восстание декабристов: Материалы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. Т. 9. С. 38.

надежных и офицеров»⁸. По масштабу такого рода деятельности с Бестужевым не могли сравниться ни его друг, сопредседатель Васильковской управы подполковник Сергей Муравьев-Апостол, ни руководитель заговора на юге Павел Пестель, ни кто-либо другой из заговорщиков.

Точное количество офицеров, с которыми Бестужев-Рюмин вел опасные разговоры, установить сложно. Субординация его не останавливала: в поле его зрения попадали как молодые, как он, обер-офицеры, так и воевавшие, опытные штаб-офицеры, даже командиры полков. Прежде чем заговорить с офицером о тайном обществе, Бестужев-Рюмин старался – если это было возможно – окольными путями собрать сведения о его характере, образе мыслей и жизненных обстоятельствах. Например, юный корнет Ахтырского гусарского полка Леонтий Годениус показался ему «решительным человеком». Однако предложение вступить в тайное общество не последовало: Бестужев выяснил, что корнет «легок и болтлив»⁹.

«Демон пропаганды» выбирал прежде всего офицеров, которые, на его взгляд, были обижены властью. Своим сторонникам, которые тоже должны были заниматься привлечением в общество новых лиц, он советовал вербовать тех, «кои имеют неудовольствия на правительство»¹⁰.

Так, подполковника Федора Левенталя, командира Низовского пехотного полка, он хотел принять в тайное общество потому, что у того был конфликт с корпусным командиром генералом Ротом¹¹. Пострадавшим от власти мог показаться и Дмитрий Нащокин, поручик 5-й конно-артиллерийской роты. С 1818 г. Нащокин служил в столице, при генерале Иване Сухозанете, командовавшем артиллерией Гвардейского корпуса, однако в 1820 г. вернулся в армию¹².

Штабс-ротмистр, служивший в Белорусском гусарском (принца Вильгельма Оранского) полку, Иван Жуков тоже прежде служил в гвардии, в Лейб-гренадерском полку, был некоторое время адъютантом начальника штаба Гвардейского корпуса генерала Петра Желтухина. Однако в мае 1822 г. командир лейб-гренадеров, полковник Николай Стюрлер, ходатайствовал о переводе Жукова

---

⁸ Там же. С. 90.

⁹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.

¹⁰ Следственное дело М.М. Спиридова // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 131.

¹¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 8–8об.

¹² Следственное дело М.М. Спиридова... С. 157.

в армию; ходатайство было удовлетворено. Причиной же перевода был тот факт, что Жуков «не успел отдать» командиру «полной чести» и «имел расстегнутый воротник»¹³.

Еще одним критерием, по которому отбирались кандидаты в заговорщики, был либеральный образ мыслей. Подтверждением либерализма была для Бестужева-Рюмина образованность кандидата. По свидетельству современника, он «не мог представить, чтобы образованные люди не разделяли его правил»¹⁴. Так, по его собственным словам, «образованность» полковника Вильгельма Ширмана, командира Муромского пехотного полка, позволяла ему надеяться, что «при удобном случае» его можно будет уговорить «взять участие в нашем предприятии»¹⁵.

Бестужев-Рюмин полагал, что заговорщиками вполне могут стать и те, кто в обычной жизни увлечен «горячим чувством» помощи ближнему. В этом «чувстве», по его собственным словам, было «нечто в высшей степени увлекательное» – «особенно когда чувствуешь себя совершенно измученным от бесстрастной учености наших книжников»¹⁶.

Так, в состоявшем в одной бригаде с Полтавским Черниговском полку служило несколько разжалованных бывших офицеров; одним из них был Флегонт Башмаков, в прошлом – полковник артиллерии. В 1820 г., когда он был разжалован за растрату, ему было 46 лет; он участвовал еще в Итальянском походе Суворова, а затем – во многих войнах начала XIX в., в том числе и в Отечественной войне.

Гуманный и человеколюбивый Сергей Муравьев-Апостол, командовавший одним из батальонов черниговцев, весьма сочувствовал Башмакову: подполковник пригласил рядового квартировать с ним в одном доме. Приглашение это было чисто филантропическим и конспиративного смысла не имело: Муравьев-Апостол поселил Башмакова у себя «из сострадания» к его «несчастному и вместе болезненному... положению». Полковнику Ивану Повало-Швейковскому Муравьев говорил, что не примет рядового в общество «до самого действия». В итоге тайна заговора ему так и не была открыта, хотя, по словам подполковника, рядовой «мог догадываться кое о чем». Башмакову многие сочувствовали:

---

¹³ Следственное дело И.П. Жукова // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 61.

¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 498.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 8–8об.

¹⁶ *Муравьев-Апостол С.И.* Два письма // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 223.

«из сожаления, сродного чело<в>еству», ездили к нему в гости и предлагали денег¹⁷.

Разговор о Башмакове и его бедах был для Бестужева-Рюмина хорошим способом узнать образ мыслей собеседника. Комментируя его историю, можно было говорить о «неудовольствии <на> государя», который разжаловал Башмакова «по столь малым причинам и не уважил его службы»; соответственно, это был повод начать разговор о несправедливости российской власти в целом. В беседах с офицерами Бестужев хвалил тех, кто не забывал рядового, пытался собирать деньги – «делать подписку» – для него¹⁸.

Многие из тех, кто в 1823–1825 гг. был не чужд филантропии, помогал Башмакову добрым словом и деньгами, оказались втянутыми в круг действий тайного общества.

Еще одним – действенным и относительно безопасным – способом отличить «своего» от «чужого» были антиправительственные стихи, и прежде всего тексты Пушкина.

Исследователи хорошо знают эпизод с чтением Бестужевым-Рюминым наизусть стихов Пушкина в присутствии членов Общества соединенных славян. «Славяне» имели свою цель – объединение всех славянских племен в единую федерацию, и о революции не помышляли. Бестужеву-Рюмину необходимо было сделать их союзниками – и Пушкин пришлось тут весьма кстати [Мейлах 1955, с. 131].

В лагере же при Лещине, – показывал один из «славян», поручик Петр Громницкий, – Бестужев... в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно, приписывая оное ему¹⁹.

---

¹⁷ Следственное дело Ф.М. Башмакова // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 19. С. 224; Следственное дело И.С. Повало-Швейковского // Восстание декабристов: Документы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. Т. 11. С. 165; Следственное дело С.И. Муравьева-Апостола // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 331; Следственное дело А.Н. Фролова // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 86, 90–91.

¹⁸ Следственное дело А.Н. Фролова... С. 86; *Пыхачев М.И., Нащокин Д.А.* Указ. соч. С. 140, 143; Следственное дело И.И. Горбачевского // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 188–189.

¹⁹ Следственное дело И.И. Иванова // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1975. Т. 13. С. 299.

Точная дата чтения этих стихов неизвестна, но можно предположить, что происходило это сразу после установления контакта со «славянами». Декламировал же сопредседатель Васильковской управы пушкинский «Кинжал»:

Лемносский бог тебя сковал
 Для рук бессмертной Немезиды,
 Свободы тайный страж, карающий кинжал,
 Последний судия позора и обиды²⁰.

Один из наиболее радикальных текстов поэта, воспевающий тираноборчество, позволял Бестужеву-Рюмину провести своеобразную экспресс-разведку, быстро понять настрой собеседников.

Произнесши стихи сии, – показывал Громницкий, – Бестужев спросил: «Не желает ли кто иметь их?» – и, немедленно переписав, вручил их Спиридову, у которого я после брал с тем, чтобы переписать, но, носивши при себе их несколько дней, я потерял оные... Но Бестужеву должно знать их, ибо он очень твердо перечитывал их наизусть²¹.

После того как его чтение произвело благоприятное впечатление, а собеседники не отказались взять себе прочитанную «крамолу», можно было начинать серьезные разговоры. В итоге этих разговоров Общество соединенных славян вошло в состав Васильковской управы.

По признанию Бестужева-Рюмина, «рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина» в полках было столь много, что заговорщиков это «удивляло». Сам же Бестужев «везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные»²².

Сочинения сего рода, Пушкина и Рылеева и многих других были известны всем почти, кто только любил заниматься чтением стихов, и в это несчастное время ослепления умов оные были читаны без всякого опасения один другому, –

подтверждал его слова штабс-ротмистр Михаил Паскевич, как и Жуков, служивший в Белорусском гусарском полку. Паскевич был большим почитателем пушкинского таланта²³.

²⁰ *Пушкин А.С.* Кинжал // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2, кн. 1. С. 173.

²¹ Следственное дело И.И. Иванова... С. 302.

²² Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... Указ. соч. С. 118–119.

²³ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 94. Л. 26; Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... С. 118.

Аргументом за принятие в тайное общество артиллерийского капитана Матвея Пыхачева, командира 5-й конно-артиллерийской роты, стал – помимо его участия в судьбе Башмакова – тот факт, что «еще прежде принятия... в общество» он хранил «вольнотдумческие» стихи «Пушкина, Вяземского и Дениса Давыдова»²⁴. Впрочем, Пыхачев на следствии настаивал, что держал у себя лишь текст под названием «У вас Нева, у нас Москва»²⁵.

С этих слов начиналось ходившее в списках стихотворение князя Петра Вяземского под названием «Сравнение Петербурга с Москвой» (1811 г.):

У вас Нева,
У нас Москва <...>
Боюсь, и здесь
Не лучше смесь:
Здесь вор в звезде,
Монах в...
Осел в суде,
Дурак везде <...>
У вас авось –
России ось –
Крутит, вертит,
А кучер спит²⁶.

Стихотворение это было широко известным: император Александр I, прочтя его, выражал недовольство сочинителем, утверждая, что поэт написал «ругательные стихи на правительство»²⁷.

Среди офицеров были и те, которые попадали в поле зрения Бестужева-Рюмина, поскольку сами создавали и распространяли «вольнотдумные» тексты. Так в заговорщические сети попал, например, тот же Паскевич. На следствии он признавался, что

читавши многие вольные стихотворения господина Пушкина... был увлечен его вольнотдумством и его дерзкими мыслями, но, не находя в самом себе подобных чувств, а по малодушию моему и без всякого к тому таланта, хотел было подражать ему²⁸.

²⁴ Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... С. 118.

²⁵ *Пыхачев М.И., Нащокин Д.А.* Указ. соч. С. 153.

²⁶ *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 56.

²⁷ *Вяземский П.А.* Моя исповедь // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. Т. 2. С. 95.

²⁸ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 94. Л. 25об.

Подражая Пушкину, Паскевич перевел с французского «описание смерти Дюка де Бери» – т. е. герцога Беррийского, которого в 1820 г. убил кинжалом рабочий-седельщик Луи Лувель. Причем в исходном французском тексте Паскевича интересовало «только то место, где убийца», собираясь на преступление, «говорит для своего ободрения». Этот фрагмент он – на французском языке – воспроизвел на следствии:

Уничтожить тирана – это никогда не было преступлением,
 Чтобы избавиться от него, – убийство законно,
 Если бы я мог исполнить этот отважный замысел,
 Который потом мне принесет звание убийцы.

Был у штабс-ротмистра и еще один текст, тоже, по его словам, перевод с французского; по-французски он его воспроизвел и в показаниях. Однако он оказался очень похож на знаменитое «...и на обломках самовластья напишут наши имена...»:

Подозрение, может ли оно нам навредить?
 Сама смерть не представляет для нас ничего ужасного,
 И если нас погребут обломки трона,
 Мы воскреснем ради бессмертия,
 И потомки будут завидовать нашей славе
 И, проливая по нам слезы, сохраняют память о нас²⁹.

Стихи Паскевича оказались у Бестужева-Рюмина. Естественно поэтому, что автора стихов сопредседатель Васильковской управы посчитал достойным вступить в общество.

* * *

На следствии Бестужев поведал и о том, как происходил сам процесс принятия в тайное общество. Для начала у кандидата в заговорщики он узнавал мнение «насчет правительства». И когда мнение совпадало с бестужевским, задавался другой вопрос: если «одинако с нами мыслящие» «ополчаться за свободу», то поддержит ли их собеседник?

«И тот, кто изъявлял свое согласие, считался принятым в члены», – показывал Бестужев-Рюмин³⁰. Правда, это был низший ранг участников тайного общества, так называемые «полу-принятые».

²⁹ Там же. Л. 24–24 об. Переводы Н.Ю. Воцинской.

³⁰ Там же. Л. 16–16 об.

«Демон пропаганды» агитировал везде, где это было возможно: в дворянских усадьбах, в офицерских собраниях, в беседах с глазу на глаз, при случайных мимолетных встречах и даже «на дороге». Следственные дела сохранили конкретные и яркие эпизоды таких вербовок. Для начала Бестужев, как правило, заводил светский разговор, пытаясь узнать образ мыслей собеседника и расположить его к себе.

Вскоре после перевода из гвардии штабс-ротмистра Жукова Бестужев-Рюмин встретился с ним. Бестужев предложил гусару свою дружбу и «таковым дружеством обещал много добра», однако поначалу не рассказал, «в чем оно состоялось». Лишь несколько месяцев спустя новому другу было объяснено, «что есть общество, которое желает улучшение законов». Жуков дал однозначное согласие войти в заговор, поскольку думал, что «оно стремится к улучшению состояния... отечества». Получив согласие на вступление, Бестужев намекнул штабс-ротмистру о цареубийственных планах³¹.

Михаил Паскевич впервые услышал о тайном обществе от еще одного белорусского гусара, штабс-ротмистра Павла Веселовского, который, в свою очередь, получил сведения от Жукова.

Разговаривая раз с Паскевичем о существующем порядке вещей и видя, что он мыслей либеральных, спросил у него, что когда начнется освобождение России, то будет ли оному содействовать. Он подал мне руку – и с тех пор мы считали его полупринятым, –

утверждал на следствии Бестужев-Рюмин³².

Ротмистры Ахтырского гусарского полка Егор Франк и Николай Семичев были старше Бестужева первый на 6, а второй на 10 лет. С Бестужевым-Рюминым они случайно познакомились в 1824 г., когда «3-й пехотный корпус был в сборе под местечком Белой Церковью». Бестужев уговорил ротмистров встретиться с Муравьевым-Апостолом и его друзьями, а потом «объявил», что «всякий благородный человек должен помышлять о вольности» и что «они все одних намерений о требовании конституции».

На следствии Франк и Семичев оправдывались, что поддержали разговор с Муравьевым и Бестужевым лишь «для знакомства» и вскоре уехали из опасного дома. Когда ротмистры возвращались

³¹ Следственное дело И.П. Жукова... С. 50, 52–53; Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... С. 90, 173.

³² ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 94. Л. 16 об.

в полк, Бестужев их догнал «на дороге» и ехал с ними «верхом версту или более». Подпоручик говорил ротмистрам примерно то же самое, что и Жукову –

о худом правлении в России и о том, что должно желать перемены иного; о том, что хотели лишить жизни блаженной памяти государя императора в прошлом году в Бобруйске, но кто именно, не говорил; что у них есть конституция в какой-то деревне Каменке и что много вельможей с ними в согласии; очень много говорил³³.

«Не имея от нас никакого согласия и видя, что мы смеялись на все его рассказы, просил нас, чтобы мы по крайней мере их не выдали, и с тем с нами расстался», – показывал Франк³⁴. Однако ротмистры на следствии лукавили: «полупринятие» все же состоялось. В конце 1824 г. в Ахтырском полку появился новый командир – полковник Артамон Муравьев, решительный и активный заговорщик. Строя революционные планы, Муравьев опирался на обоих своих подчиненных. Франк показывал, что действительно собирался содействовать командиру «при первом сигнале, как он говорил, и по которому вся масса должна была двинуться для общего соединения и чтоб, собравшись под Петербургом, требовать конституцию»³⁵.

Семичев на следствии старался доказать, что не давал согласие «требовать конституцию», а его отношения с полковым командиром не выходили за рамки уставных³⁶. Однако следствие установило, что в декабре 1825 г., накануне выступления Черниговского полка, ротмистр играл важную роль связного между Артамоном и Сергеем Муравьевыми.

Действенным способом влияния на кандидатов в заговорщики, тех, кто только что был принят в тайное общество, и «полупринятых», были собрания офицеров. В таких собраниях, на которых ораторствовал Бестужев-Рюмин, бывал, например, Паскевич. Он сам признал на следствии, что был «в числе тех», которых заговорщики «приготавливались сделать своими жертвами» и на которых «господин Бестужев распространял свои вредные преступные мнения»³⁷.

---

³³ Следственное дело Н.Н. Семичева // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 117, 118.

³⁴ Следственное дело Е.Е. Франка // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 103.

³⁵ Следственное дело Е.Е. Франка... С. 103.

³⁶ Следственное дело Н.Н. Семичева... С. 118.

³⁷ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 128. Л. 7.

Когда мы собрались в лагере под Лещином, – показывал Паскевич, – то Бестужев начал довольно часто навещать Жукова, который в это время был болен, и где нас всегда почти собиралось очень много, ибо это была лучшая квартира в деревне и в оной стояло пять человек офицеров. И тут господин Бестужев изливал свой красноречивый ропот, но прямо никогда не говорил о цели общества, ни даже о существовании его.

На собраниях сопредседатель Васильковской управы «как оратор всегда почти говорил один», «рассуждая часто, как должны быть воспитаны молодые люди, как должны вольно мыслить и, наконец, как должны стараться свое отечество освободить из-под ига, его угнетающего. Говорил также, что Россия первая может подать пример и другим державам», и «прикрашивал» свою речь «патриотическими чувствами». Паскевич признавался, что ораторское мастерство подпоручика трогало слушателей, заставляло «убеждаться» в его правоте³⁸.

И Бестужев-Рюмин имел все основания, рекомендуя двух гусарских офицеров, в том числе и Паскевича, командиру Полтавского полка, полковнику и заговорщику Василию Тизенгаузену, тихо сказать ему: «Это наши»³⁹.

О том, как проходили встречи «демона пропаганды» с офицерами, красноречиво свидетельствует и дело поручика Нащокина. С ним Бестужев-Рюмин – в присутствии других – встречался и говорил несколько раз. Первый разговор поначалу был «обыкновенным», речь шла, в частности, «о французской кампании». Кроме того, Бестужев «с жаром выхвалял» действия тех офицеров, в том числе и Пыхачева, которые «сделали посещение разжалованному из полковников в рядовые Башмакову».

«Странным» Нащокину показалась лишь настойчивая просьба Бестужева охарактеризовать присутствовавших: назвать их фамилии и пояснить, какого они «характера». Чем больше было свиданий, «тем более он высказывал в разговорах своих дух вольнодумства, неудовольствие против правительства», объяснял, что российские солдаты «чувствуют... всю тягость их состояния», что «это дух времени», что солдатский ропот «везде есть, восьмая дивизия также вся ропщет и недовольна, не исключая и нашей бригады». В итоге на одном из собраний у Сергея Муравьева-Апостола, куда

---

³⁸ Там же. Д. 94. Л. 16 об.

³⁹ Следственное дело В.К. Тизенгаузена // Восстание декабристов: Документы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. Т. 11. С. 255.

пришел и Нащокин, в ходе очередного «обыкновенного разговора» Бестужев вдруг заявил «Мы все здесь члены» – и таким образом артиллерист оказался в тайном обществе⁴⁰.

Нащокин убеждал следствие, что «Бог» его «избавил от вольнодумческих мыслей», что он не понимал, в каком тайном обществе оказался, а речи Бестужева-Рюмина считал проявлением его «странностей». Однако сам Бестужев показывал, что на предложение войти в тайное общество с целью «искоренить злоупотребления правительства и ограничить власть государя» Нащокин ответил согласием. И с тех пор артиллерист «считался полупринятым, так как был только ознакомлен с обществом» и в его деятельности напрямую не участвовал. Впрочем, от других членов общества Нащокин знал о том, что «действие свое начать предполагало общество при соединении корпусов 3-го и 4-го пехотного под местечком Белою Церковью в 1826 г. для маневров»⁴¹.

Похожая история вербовки произошла и с капитаном Пыхачевым, другом Башмакова, любителем стихов князя Вяземского и непосредственным командиром Нащокина. Если Нащокина считали «полупринятым», то с Пыхачевым дело обстояло по-другому. «Капитан Пыхачев был принят в общество мною в лагере под Белою Церковью в 1824 г.», – показывал Бестужев-Рюмин⁴². О факте принятия Пыхачева в общество знал и Сергей Муравьев-Апостол, и другие офицеры-заговорщики. На следствии Пыхачев всеми силами старался доказать, что в обществе он не состоял, а Бестужев-Рюмин, не имея на то никаких оснований, «нарек» его членом общества⁴³.

Цель приема в общество заключалась не только в «умножении членов». Необходимо было найти людей, которые бы, согласно революционным планам Васильковской управы, могли бы в решающий момент нанести удар императору во время смотра и арестовать его свиту. Никогда, по-видимому, не рассматривавшийся на роль цареубийцы капитан Пыхачев о такого рода намерениях знал. Он сам признался, что при нем Бестужев-Рюмин привел на квартиру к Сергею Муравьеву «солдата, сказав: “Вот наш старый семеновец! Исполнишь ли ты, что тебе прикажут?” – “Исполню!” – отвечал солдат. “Будешь ли стоять на часах у государя?” – “Буду!”».

Речь, конечно, шла об убийстве Александра I; бывшему семеновскому солдату предлагалось пустить в царские покои тех, кто

---

³⁸ Там же. Д. 94. Л. 16 об.

³⁹ Следственное дело В.К. Тизенгаузена // Восстание декабристов: Документы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. Т. 11. С. 255.

убьет императора. Пыхачев утверждал, что не понял, «к чему относились» эти слова, и полагал, что они «от сумасбродства вылетели из уст у сумасшедшего Бестужева». Однако капитан лгал: смысл фразы ему был вполне понятен. Судя по его показаниям, на следующий день он «намекнул» Бестужеву-Рюмину о возможности доноса. В итоге он не донес на тайное общество: испугавшись ли мести или, как он сам показывал, «по малодушию своему» полагая «все ничтожным»⁴⁴.

Знал о намерениях заговорщиков и штабс-ротмистр Жуков – на которого рассчитывали как на потенциального цареубийцу. Его хотели сделать одним из тех, кто в лагере при Белой Церкви, переодевшись в солдатский мундир, должен был «вторгнуться» в царскую спальню и убить императора⁴⁵. И хотя конкретного предложения ему «сделано не было», опасные разговоры с ним велись.

«Я знаю, что для успеха в предприятии нашем необходима смерть государя, – но если бы на меня пал жребий быть в числе заговорщиков... то я после сего сам бы лишил себя жизни», – заявил Жуков⁴⁶. Иными словами, саму возможность цареубийства он не отверг.

Вместе с Жуковым должны были, по предположению Бестужева, нанести удар царю прапорщик Кременчугского пехотного полка Сенявин, а также поручик-черниговец Анастасий Кузьмин. Кузьмин был отчаянным заговорщиком; он сыграл важную роль в восстании Черниговского полка и застрелился при разгроме восставших. Но о том, что ему предназначена роль цареубийцы, он, вероятно, так и не узнал. Ни о чем не подозревал и Сенявин, поскольку, по словам сопредседателя Васильковской управы, он «обществу никогда не принадлежал»⁴⁷.

В цареубийцы был назначен и «болтливый» корнет Годениус. Кроме того, в список «назначенных» попали юнкер Белорусского гусарского полка Николай Лосев и корнет того же полка Александр Рославлев, «на которых тоже считали, но им не объявляли». Лосев и Рославлев не догадывались об уготованной им роли. Не знали о том, что им, возможно, предстоит «вторгнуться в спальню государя

⁴⁰ Пыхачев М.И., Нащокин Д.А. Указ. соч. С. 156–158, 145, 143.

⁴¹ Там же. С. 142, 144, 153.

⁴² Там же. С. 131.

⁴³ Там же. С. 146.

⁴⁴ Там же. С. 148.

⁴⁵ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 90.

⁴⁶ Жуков И.П. Указ. соч. С. 59; Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 91.

⁴⁷ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 89, 90.

и лишить его жизни», и разжалованные из офицеров рядовые – и в их числе бывший полковник Башмаков⁴⁸.

* * *

Далеко не все офицеры, с которыми беседовал Бестужев, давали согласие поддерживать военную революцию. Чем старше возрастом и чином был намеченный к принятию, тем сложнее были стоявшие перед «демоном пропаганды» задачи. Так, полковник Ширман имел неосторожность пригласить его «к себе обедать». Ширман повествовал на следствии, что во время обеда Бестужев «изъяснялся насчет правительства весьма вольно» и весьма «дерзко», однако после обеда сразу же уехал. «И с тех пор более я его не видал», – показывал полковник.

Подполковник Левенталь рассказывал следователям: Бестужев, зная о его «неприятных сношениях с корпусным командиром», уговаривал «потерпеть, уверяя», что подполковника «многие люди знают и поддерживают». «На сие я отвечал, что протекция мне не нужна, что служу я без оной 23 года, что естьли продолжать службы мне будет не можно, то имею средство пойти в отставку», – показывал Левенталь⁴⁹.

Подполковник Петр Криднер в момент вербовки, в марте 1823 г., служил в Муромском пехотном полку и был подчиненным Ширмана. В службу он вступил в январе 1801 г.⁵⁰ Встретив случайно Криднера в городе Лохвице Полтавской губернии, Бестужев и с ним завел опасную беседу. Но подполковник обаянию подпоручика не поддался. «Я не токмо не входил с ним в рассуждения, но, заметив нелепые его разговоры, счел ветреным пустым человеком и не обращал даже на бредни его никакого внимания», – утверждал Криднер, к моменту следствия уже ставший командиром Ревельского пехотного полка⁵¹. Соответственно, в ходе следствия Ширман, Левенталь и Криднер были признаны невиновными.

Не понесли серьезного наказания и те принятые и «полупринятые» в общество, которые не знали до конца планов Васильковской управы. На следствии они долго и обстоятельно каялись. У некоторых из них были серьезные смягчающие обстоятельства – 3 января 1826 г. они участвовали в подавлении восстания Черниговского

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 128. Л. 1, 2, 3; *Бестужев-Рюмин М.П.* Указ. соч. С. 39, 62, 90.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 1, 2.

⁵⁰ *Декабристы: Биографический справочник.* М.: Наука, 1988. С. 91.

⁵¹ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Св. 17. Д. 143: 1826 г. Л. 6–6 об.; ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 130. Л. 26 об., 8.

полка. Наиболее серьезное наказание для поддавшихся бестужевской вербовке «полупринятых» – заключение на несколько месяцев в тюрьму и затем перевод в другой полк.

* * *

С теми, кто поддался бестужевской агитации и однозначно согласился войти в заговор, разговор был совершенно другим. После чтения пушкинских стихов и бурных собраний в лагере под местечком Лещин члены Общества соединенных славян дали согласие и на участие в будущей революции, и на царубийство как один из методов достижения заговорщиками власти.

«Теперь остается нам только поклясться и исполнять все постановления свято», – заявил Бестужев. Он «снял <с> себя образ», «поцеловал сам и положил на стол». Нашлись противники клятвы, закричавшие: «зачем целовать образ», «мы и без того будем исполнять». Но Бестужев «отвечал, что того требует порядок»⁵².

В сем собрании по требованию его (Бестужева-Рюмина. – О. К.) мы поклялись не щадить своей жизни для достижения предпринятой цели, при первом знаке поднять оружие для введения конституции, нам уже известной. Сию клятву подтвердили, целуя образ, который Бестужев снял своей шеи, –

показывал «славянин», подпоручик Петр Борисов⁵³.

Мемуарист Общества соединенных славян Иван Горбачевский, в 1825 г. – тоже подпоручик, красочно описал этот момент в воспоминаниях:

Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал оный пламенно, призывая на помощь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вместе странной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные страшные клятвы смешивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!».

⁵² Следственное дело Н.Ф. Лисовского // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1975. Т. 13. С. 364.

⁵³ Следственное дело П.И. Борисова // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 35.

Образ переходил из рук в руки: славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались как дети, одним словом, это собрание походило на сборище людей иступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной⁵⁴.

На этом история объединения Общества соединенных славян с Южным обществом не закончилась; клятва на образе оказалась не единственной. Бестужев-Рюмин искал среди «славян» тех, кто был готов взять на себя арест императора или его убийство.

В самом конце лагерных сборов, когда воинские части собирались уже уходить из Лещина, Бестужев-Рюмин пригласил к себе в палатку – «якобы для получения последних наставлений» [Нечкина 1927, с. 80] – нескольких «славян».

Разговор сначала был общим. Но от общего Бестужев-Рюмин быстро перешел к конкретике. Взяв в руки список «славян», у присутствующих он спросил: «буде необходимость окажется для свершения переворота наложить руку на государя», кто конкретно из «славян» может иметь «достаточно духу» покуситься на императора⁵⁵. Он заставил присутствовавших снова поклясться на образе, на этот раз в готовности убить царя⁵⁶. На прощанье подпоручик просил «славян» собрать «несколько денег для пособия в бедности разжалованному в рядовые полковнику Башмакову».

«Славяне», сами жившие на нищенское жалованье, собрали 85 рублей – и по этому поводу Сергей Муравьев-Апостол назвал их «благородными людьми», которые «с жаром» и «самоотвержением» отдаются «доброму делу»⁵⁷.

К «славянам» Бестужев относился с большой долей иронии. На следствии, опровергая одно из их показаний, он скажет: «Я даже не припишу этого их раздражению против меня, но только малому навыку мыслить и некультурности». И добавит в другом показании: «Я из “славян” пятой доли не знал, ибо видел их толпою, и то только три раза», «как “славяне” были многочисленны и незначачи, то... я не давал себе труда узнавать поименно членов»⁵⁸.

---

⁵⁴ Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 27–28.

⁵⁵ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 85; Следственное дело М.М. Спиридова... С. 113.

⁵⁶ Следственное дело М.М. Спиридова... С. 154.

⁵⁷ Следственное дело И.И. Горбачевского... С. 188; *Муравьев-Апостол С.И.* Два письма. С. 222.

⁵⁸ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 78, 140, 85, 82.

Правда заключалась и в том, что, поклявшись на образе «умереть за свободу», «демон пропаганды» клятву исполнил. Во имя торжества своих идей он пошел до конца и погиб на виселице. Большинству же «славян» после неудачи вооруженных выступлений декабристов была уготована многолетняя каторга.

Литература

- Мейлах 1955 – *Мейлах Б.С.* Пушкин в ходе следствия и суда над декабристами // Известия Академии наук СССР. Отд-ние литературы и языка. 1955. Т. 14. Вып. 2. С. 124–135.
- Нечкина 1927 – *Нечкина М.В.* Общество соединенных славян. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. 245 с.

References

- Meilakh, B.S. (1995), "Pushkin during the investigation and trial of the Decembrists", *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, vol. 14, iss. 2, pp. 124–135.
- Nechkina, M.V. (1927), *Obshchestvo soedinennykh slavyan* [Society of the united Slavs], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences; 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru